

An abstract painting featuring bold, expressive brushstrokes in a variety of colors including deep blues, bright yellows, vibrant reds, and soft pinks. The composition is dynamic and layered, with some areas appearing more saturated than others. The overall effect is one of intense energy and emotional depth.

Мия Имперская

21:21

18+

Мия Имперская

21:21

<https://litres.ru/74068781>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она думала, что бежала от человека. Оказалось — от судьбы, которую написали за неё задолго до рождения.

Полина Смирнова строила жизнь по правилам выживания: работала, молчала, никому не доверяла. Но одна ночь в московском офисе переворачивает всё.

Сон с кристальными дворцами, голос древнего правителя и ощущение, что её тело помнит то, чего разум никогда не знал.

Когда преследование становится ближе, чем тень, остаётся только одно — исчезнуть. Сменить имя. Начать с чистого листа.

Но от себя не убежишь. А от пророчества — тем более.

Мия Имперская

21:21

Глава 1

Глава 1. Любая игра начинается с первого хода.

5:18.

Тишину разорвал сухой стук в висках.

Голова гудела, будто внутри работал отбойный молоток. Во рту — кислый привкус желудочного сока, дешевого виски и собственной глупости. Язык был шершавым, как наждак. *Классика*. Сглотнув, Полина скривилась. *Боль это просто боль. Перетерплю.*

Не с первой попытки, но все же она открыла глаза.

Темнота, привычные силуэты офисной мебели. И — о, чёрт — тяжелая мужская ладонь на талии. Пальцы впивались в бок сквозь ткань. Уверенно, как у хозяина положения. Внутри всё сжалось... от усмешки.

Снова вляпалась.

Но красиво. И опасно...

Настолько, что репутация могла стореть к обеду.

Тени от жалюзи ложились на пол полосами, равномерно разделяя комнату на свет и мрак. Пылинки, танцующие в узком луче, падали прямо на его запястье.

Полина поймала краем глаза бледное сияние циферблата. Швейцарские часы застыли на 21:21. Механизм не врал. Он просто остановился. Стрелки замерли, похоронив эту ночь.

Воздух в кабинете стоял спертый. Насыщенный ароматом чужого парфюма — дорогой, древесный, с нотами табака, специй и ванили с примесью вчерашнего алкоголя. Запах чьей-то власти и её падения. Тут же рядом на столике лежал её телефон. Экран треснул, паутина сколов беспощадно расползлась, батарея мертва. *Ай, пофиг.*

— Лежи спокойно.

Шепот прямо в ухо. Голос Маркова. Низкий, ровный, слишком спокойный для человека, который только что проснулся.

— Ты у меня.

Мгновение — и она замерла.

Кровь прилила к лицу, затем отхлынула, заставив нервы звенеть, как натянутые струны. Резкий поворот — и чужое владение сброшено. Ткань скользнула по коже, открывшая зябкость.

Полина села, не пряча глаз. Подбородок вздернут вверх — вызов. *Пусть смотрит.* Но внутри всё сжалось. Ситуация вышла из-под контроля. И это вызывало злость. Желудок скрутило в тугой, болезненный узел.

Перед ней был он. Тот самый Павел Андреевич Марков. Ходячая легенда компании, человек, чей взгляд в коридоре заставлял всех сотрудников закрыть рты и отпустить голову. Только сейчас легенда выглядела потрепанной: мятая белая рубашка, пуговицы расстегнуты, обнажая уязвимую плоть там, где обычно находился бронированный костюм. Волосы — *Блин, у него вообще бывают растрепанные волосы?* — падали на лоб. Тени под глазами выдавали бессонную ночь.

Но зрачки... они были прежними. Темными, пронзительными, считывающими её, как сложный документ. Уголок губ дрогнул — не улыбка, скорее интерес хищника, почувствовавшего сопротивление.

— В смысле, как? — выпалила Полина. Голос прозвучал слишком громко в тишине. Мысли тут же приняли позицию

защиты: *ничего странного, всего лишь просыпаюсь в обнимку с заказчиком. Бывает.*

— Вчера закрыли китайцев. Контракт подписан, — отчеканил он, не меняя позы. Тон — сухой, отчетливый, будто на планерке. — Вы решили отметить в переговорной. Потом тебе стало скучно. Ты захотела увидеть город... с 21-го этажа. В чём мать родила. Пришла сюда. И... задержалась.

Память отказывала, возвращая лишь обрывки. Через отрицание всплывали кадры: её смех, громче обычного, его рука, помогающая взобраться на стол. Гладкая прохлада полированного дерева под бедрами. Холод льда по спине... И ещё что-то. То, что она не могла вспомнить, но помнило тело.

— Ты, между прочим, танцевала на моём рабочем столе, — добавил он, отследив ее вопросительный взгляд в сторону массивного кожаного кресла. — Но на записи этого нет. Не переживай.

Цифровая память стерлась. Осталась только аналоговая — в царапинах на его спине от её пальцев.

Горишь, Полин, тупо горишь.

Её внутренний голос всегда был честным. И циничным. Но странное дело — внутри не было паники. Там, под слоем

похмелья и стыда, шевелилось нечто иное. Любопытство. И вызов. Опасный. Смертельно опасный.

— Повторим? — Вопрос от него прозвучал как очередное деловое предложение. — Но на этот раз — без титулов и в более непринужденной обстановке.

Его рука двинулась медленно. Давая время отстраниться. Палец скользнул по ключице. Кончик обжигал, оставляя невидимый след.

Играть в скромность? Ну уж нет.

Она не дернулась. Приняла игру. В голове что-то переключилось. Всё, что было до этого момента — её аккуратная жизнь, её правила выживания уличной кошки — осталось в «до». Начиналось «после». И в этом новом раунде правила диктовал он. Или она?

Нет. В этом «после» законы устанавливали оба.

Но в итоге кто-то обязательно проиграет.

Оттолкнувшись от дивана, Полина рывком встала. Пол встретил её прохладным ковром толщиной в палец. Такой стоил больше её месячной зарплаты. *Идиотизм*, — мысленно усмехнулась она. — *Кому вообще нужен ковёр с ценником в пять нулей?* Она не завидовала. Просто знала, сколько ночных смен и доширака стоит такая роскошь. И плевать

она хотела на того, кто это купил.

Инстинкт заставил проверить сумку. Ключи, деньги, флешка. Все на месте. Туда же, с досадой, закинула свой сломанный телефон.

Затем пальцы наткнулись на пуговицу платья. Застёгнута криво. *Даже с этим не справилась.* Одно резкое движение — и пуговица выровнена. Юбка одёрнута. Порядок.

— Есть хочу. Умираю с голоду, — бросила она, глядя прямо на него.

Павел поднялся, как ленивый кот. Пуговица за пуговицей. Снизу вверх. Щелчок запонок на манжетах. Всё. Маска босса встала на место ровно за тридцать секунд.

Полина ощутила: того мужчины, кто провел с ней ночь, уже нет. Вместо него — директор. Аккуратный. Чужой.

— Поужинаем сегодня? — сказал он, глядя на неё. — «Мите». В восемь.

Она молча кивнула соглашаясь. Не прощаясь, развернулась. Шаг. Второй. Третий. Дверь закрылась за ней с мягким щелчком.

Коридор пуст и беззвучен, будто офис вымер после апокалипсиса. Шаги гулко отдавались в бетонной пустоте. Камера наблюдения в углу медленно повернулась, следя за ней красным глазом. Шаг не ускорился. В голове стучало: *Ну ты влипла, Смирнова*. Но на губах сама собой возникла кривая усмешка. Беззвучная. Оскал. *«И плевать»*.

Всё потому, что сироты не играют по правилам. У них нет тыла для отступления. Только два варианта: либо вырываешь победу зубами при любой возможности, либо растворяешься в воздухе.

Двери лифта сомкнулись бесшумно. В полированной стали застыло её отражение: растрепанная, в помятом платье, но с прямым, уверенным взглядом. Не жертва. Игрок, поставивший всё на карту.

Пальцы сжались в кулак, потом разжались. Суставы тихо хрустнули. Не контроль. Готовность.

Игра началась. И на этот раз ставки были слишком высоки, чтобы проигрывать.